

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Жестокость
легендарной
Таньки-пулеметчицы
поражала даже
фашистов...

Ольга БАСКОВА

Медальон Таньки-пулеметчицы

Ольга Баскова
Медальон Таньки-пулеметчицы
Серия «Артефакт & Детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55328132

Медальон Таньки-пулеметчицы: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-112545-5

Аннотация

Все, чего хотелось Тане, – это жить сыто, в тепле и довольстве. Началась война, и, представляя себе полную героических подвигов судьбу, она добровольно отправилась на фронт. Оказалось, что война неприглядна – кровь, боль, грязь и холод. Таня приняла правила игры, и через некоторое время никто не называл ее иначе чем Танька-пулеметчица, а ее жестокость поражала даже фашистов.

Через несколько десятков лет человек, причастный к смерти легендарной Таньки, умирает. Казалось бы, нет ничего криминального в его смерти, но местный журналист, который беседовал с женщиной накануне, в этом сомневается. Связав воедино все события и рискуя собственной жизнью, молодой человек выходит на след убийцы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	44
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ольга Баскова
Медальон Таньки-
пулеметчицы

© Баскова О., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

1921 год, Смоленская область, деревня Малая Волховка

*Евдокия задула свечу, уже изрядно оплывшую и напоми-
навшую бесформенный снежный ком, сняла серенькое льня-
ное платье, местами заштопанное толстыми серыми нит-
ками, и быстро надела через голову когда-то белую, а те-
перь застиранную, неопределённого цвета ночную рубашку,
искоса взглянув на кровать. Муж Марк, подложив руку под
голову, спокойно смотрел на нее, и ее сердце забилося, будто
птица в силках. «Должна сказать, – мелькнуло в голове. –
Сегодня, сейчас. И будь что будет».*

*Она немного помедлила, прежде чем лечь в постель, вы-
нула острую шпильку из густых темно-русых волос, и они
тяжелым водопадом упали на плечи.*

*– Шо возисся? – раздался голос мужа. – Словно яка коро-
левна прихорашивается.*

*– Иду, – покорно ответила она и присела на краешек кро-
вати. Его мозолистая ладонь, нырнув под ее рубашку, про-
шла по спине.*

– Марк, не надо, – прошептала Евдокия и дернулась. Муж

приподнялся на постели:

– Шо? Шо табе не так?

– Тяжелая я, – выдохнула женщина, смело взглянув в его серые глаза. – Другэй месяц уж. Боюсь, ребяточку зло причиним.

Марк с силой схватил ее за руку, оставляя синяки на нежной коже.

– Тяжелая? Да ты в своем уме? Ртов у нас шестеро, куды ище одного? Шоб завтра избавилась. К Андреевне ступай, поможет.

Евдокия тряхнула головой:

– Шоб я свое родное дите? Ни в жизни.

– Дрянь ты. – Муж снова опустился на подушку. – Тока о себе думаешь. Ты будешь брюхо греть, а я? У колхозе ишачить? Не всегда исть шо, как жить будем?

– Проживем, – уверенно сказала она. – А дите убивать не буду.

– Ну-ну. – Мужчина обиженно засопел и отвернулся к стене. – Поглядим.

– Поглядим, Марк. Спи.

Он еще долго ворочался, прежде чем захрапеть, а бедняжка до утра не сомкнула глаз. Да, конечно, муж прав, им придется тяжело. В колхозе жизнь нелегкая, огород еле дает пропитание. Как обушь, одеть и накормить семь голодных ртов?

– Ниче, – решила Евдокия. – Руки есть – не пропадем.

Глава 2

Смоленская область. Малая Волховка

Дав себе слово, бедная женщина больше не знала покоя. Стараясь не отставать от мужа, который, что ни день, набрасывался на нее с попреками, она работала как вол в поле и в огороде, не позволяя себе расслабиться хотя бы на минуту. В тот хмурый августовский день, убирая сено, она почувствовала схватки и прилегла под телегой. Соседка Мария, высокая, дородная, с коричневым от загара лицом, прорезанным белыми морщинками, присела рядом:

– Начинается? Рано вроде.

– Начинается, Маша, – призналась роженица. – Шо делать, если дите из чрева просится?

Соседка оглянулась в поисках Марка:

– Мужика тваво позвать? Ен до дома тебе довезет.

Евдокия замотала головой:

– Нет, сама доеду. Ты, милая, Андреевну предупреди. – Она погладила огромный живот. – Чувствую, ребяточек тяжело пойдет. Помощь нужна. Ох, мамочки, больно! – вдруг закричала бедняжка и с трудом забралась на скрипучую разбитую телегу. – Беги, Маша, беги, милая. Ой-ой-ой...

Слегка ударив худющую гнедую с молочным пятном на лбу лошадь кнутом, она откинулась на сено. Ребенок, казалось, раздирал внутренности, по ногам струилась горячая жидкость.

– Ой, мамочки! – Евдокия взглянула на небо, словно ища поддержки у давно умершей матери. – Ой, мамочка, помоги!

Пегая кляча неторопливо ступала по утоптанной копытами и сапогами тропинке, еле перебирая тощими ногами. Над ее костлявым крупом роились бормочущие оводы. У Евдокии не было сил отогнать их хворостинной. Она до крови кусала пухлые розовые губы и сжимала кулаки так, что ногти врезались в кожу. Когда старая скрипучая телега остановилась у почерневшей от времени избы с покосившейся крышей, женищина заметила бегущих к ней Марию и местную повитуху, бабушку Андреевну.

– Давай, родимая. – Бабы помогли ей слезть и под руки повели в дом. Сгорбленная повитуха, сверкая глазами из-под нависших седых бровей, приговаривала:

– Кричи, милая.

С помощью Марии она уложила роженицу на кровать. Выпученные голубые глаза Евдокии казались безумными. Рот раскрылся в беззвучном крике, розовел кончик языка, окаймленный молочным налетом. Из искусанной пухлой нижней губы бусинками сочилась кровь.

– Воды нагрей, быстрее! – буркнула Андреевна и погладила дрожавшую руку Евдокии. – Терпи, бабонька, терпи, сей-

час робеночку поможем.

Она разложила на ветхой скамье чистые полотенца.

– Тужься, милая.

Почти ослепшая от невыносимой боли, Евдокия закричала.

– Вот, милая, – подбадривала ее старуха. – Сейчас твоего младенчика примем.

На крик прибежала Мария и носилась возле кровати, как потерявшая след собачонка.

– Скоро водичка... – прошептала она, глядя на искаженное лицо соседки. Бабка вздохнула:

– Не идет ребятеночек. Не хочет в наш мир. Ох, тяжело придется, только бы дитяtko не сгубили. – Грубыми коричневыми руками в старческих пятнах она поглаживала огромный живот. – Ну, давай, родимая, тужься сильнее.

Евдокия кричала и тужилась, обливаясь потом, думая про себя, что это самые тяжелые роды в ее жизни и что, наверное, она не переживет. Господи, ну почему этот ребенок идет так трудно? Пятеро до этого просто выскользнули из утробы, один даже в поле во время косьбы.

– Тужься! – уже орала Андреевна, вытирая с покрасневшего лба крупные капли. – Тужься!

Бедняжке казалось, что голос повитухи доносился изда- лека, чуть ли не с неба. Может быть, она уже там, у Боженьки?

Когда старуха с облегчением вымолвила: «Головка пока-

залась...», Евдокия решила, что прошла целая вечность. Женщина, будто вернувшись на землю, собрала последние силы и вытолкнула плод. Она не видела ребенка, лишь слышала, как Андреевна ударила его по попе. Вместо крика раздалось какое-то кошачье мяуканье.

– Девочка, – промолвила повитуха. – Слабенькая. Ишь, силенок нету кричать. Ну да ничего. Ты ее выходишь.

– Я ее выхожусь, – пообещала Евдокия. – Обязательно.

– Верно, милая. – Вместе с Марией повитуха сполоснула от крови тельце ребенка, туго запеленала и протянула Евдокии: – Держи, милая. Теперича сама...

Осторожно, словно дорогую вещь, ослабевшая женщина взяла так тяжело ей доставшееся дитя и прижала к груди. На сморщенном личике девочки отразились все страдания, которые пришлось вытерпеть ее матери.

– Последыш мой, – ласково произнесла женщина. – Любимая.

– Чай, Марк обрадуется, – заключила Андреевна. – Девка вырастет и по хозяйству поможет.

Роженица лишь вздохнула. Она как огня боялась прихода мужа, зная, что в гневе Марк бывал очень жестоким, и часто его крепкий кулак опускался как на ее спину, так и на хрупкие спины детей. Вспомнив его слова о будущем дочери, она еще крепче прижала к себе ребенка. «Как бы не извел, – мелькнуло в голове. – Ничо, не дам. Скорее сама под кулак голову подставлю. Пусть убивает, изверг, а дите не трога-

ет».

Мария и Андреевна еще немного посидели с ней и стали собираться.

– Катька у Маховых должна родить, – пояснила повитуха, отвечая на просьбы роженицы побыть с ней еще немного до прихода хозяина в надежде, что, может быть, убедят его, что дети – в радость. – Поди, ищут меня. Завтра навещу тебя, Дуняша. Береги девочку.

– И я завтра забегу, – пообещала Мария. – Курочку мы зарезали, я супчика тебе принесу. Будешь супчик-то?

– Спасибо, – выдохнула Евдокия и повернулась на бок. Когда за женицами захлопнулась калитка, она стала взволнованно прислушиваться к каждому шороху. Тяжелую поступь Марка женица не спутала бы ни с чем. Наверное, так ступают медведи – хозяева тайги: грузно, но уверенно. И точно, он влетел в избу вскоре после ухода соседки и повитухи и, отшивырнув среднего сына Ивана, щуплого подростка с узким лицом и испуганными серыми с крапинками глазами, направился к постели жены.

– Все-таки разродилась...

– Ты думал – умру... – Искусанные почерневшие губы с запекшейся каплей крови исказила слабая улыбка. – Да вот не вышло. Девка у нас.

Он со злостью сплюнул прямо на пол.

– А по мне, что девка, что парень – все одно: щенок, дармоед.

– Так о своем дитя? – Голубые глаза Евдокии потемнели, она оскалилась, готовая, как волчица, защищать свою кровиночку. Мужчина сжал кулаки. Он редко видел непокорность со стороны жены, это удивляло, пугало и раздражало его.

– Убил бы...

– Убивай, – смело сказала Евдокия. – А дите в обиду не дам.

Она закрыла ребенка рукой. Марк двинулся к ней.

– Папа! – Старший сын, двенадцатилетний Игнат, словно почувствовав неладное, вбежал в избу и бросился к отцу. – Папа, не трожь мамку!

Хозяин скривился:

– Да не собирался. – Он хмуро взглянул на новорожденную, усмехнулся при виде ее сморщенного личика: – Хилая... Все равно подохнет...

– Не позволю, – прошептала женщина и коснулась губами горячей щеки дочери. – Не позволю. Выхожу.

Тяжело ступая, Марк направился к двери. В каждом его движении чувствовалась брезгливость и ненависть. Ненависть ко всему – к жене, только родившемуся ребенку и к самой жизни, схватившей за горло стальными тисками и не дававшей опомниться, выдохнуть, расправить плечи. Ну почему, почему ему суждено тащить огромную семью, похоже, до конца дней своих? Сколько воды утечет, прежде чем все они встанут на ноги? Он больше не может, не хо-

чет, да, не хочет, пусть живут, как желают.... Только на него не рассчитывают. Какого черта Дунька рожала, кто ее просил?

– Куда? – выдохнула Евдокия дрожащим голосом. От напряжения на шее вздулись и злоеюще засинели на белой коже вены. Но он ничего не ответил, лишь хлопнул дверью так, что зазвенели стекла. Евдокия вздрогнула и зажмурилась. Мальчики подошли к ней:

– Мама, не бойся. Мы защитим вас.

Дрожавшие руки обняли детей:

– Милые мои!

– Хорошенькая, – заметил Игнат, поглядев на сестренку. – Как кликать будем?

– Татьяна, – твердо сказала женщина.

– Таня, – проговорил Иван. – Танька... – Он, видимо, хотел подобрать ей прозвище, но не смог.

– Танечка, – еле слышно произнесла Евдокия и почувствовала, как горячие слезы потекли по впалым щекам. Женщина понимала, что ее более-менее благополучному житью, если его так можно было назвать, пришел конец. Марк не успокоится. Нужно все время быть начеку и следить за ребенком, иначе может случиться беда.

Глава 3

Лесогорск, наши дни

Виталий Рубанов сидел в своем кабинете, уныло глядя на экран компьютера. Вот уже три года он работал журналистом в редакции ведущей газеты «Вести» маленького городка, затерянного в северных лесах, и мечтал о статье, которая прославила бы его на всю Россию. Впрочем, парень прекрасно понимал: в этом провинциальном городишке сенсаций просто не бывает. Три года он писал о прохудившихся канализационных трубах, об утечке газа, о бытовых ссорах между выпившими соседями, о зиме, пришедшей раньше, чем положено, и о неготовых к ней коммунальных службах. Такая писанина надоела ему до чертиков, набила оскомину, и Виталий подумывал о переезде если не в столицу, то в какой-нибудь другой мегаполис. Посоветовавшись с матерью, он решил написать дяде в Санкт-Петербург и неделю назад отправил письмо, пока еще не получив ответа. Впрочем, его можно было и не дожидаться: вряд ли дядя захотел бы поселить его в своей двухкомнатной квартире, где кроме него и пожилой жены обитали еще дочь с мужем и семилетняя внучка. Запустив пятерню в густые темные волосы, зачесанные назад

и оголявшие высокий гладкий лоб, Виталий стал забивать в поисковик «Снять квартиру в Санкт-Петербурге дешево», и за этим занятием его застала коллега Аллочка – рыженькая, маленькая, полная, с короткими ручками и ножками, давно симпатизировавшая ему, но так и не добившаяся взаимности.

– Чем занят? – деловито осведомилась она, не поздоровавшись. – Судя по выражению твоего лица, чем-то безумно скучным.

– Сказать тебе честно? – Виталий посмотрел в ее глаза цвета неба. – Думаю, как побыстрее свалить отсюда. Все достало: и работа, и этот городишко, и...

– И твои коллеги, – усмехнулась девушка, тряхнув рыжими волнистыми волосами. – Что ж, я тебя понимаю. Куда думаешь податься?

– Хотел в Питер, – отозвался Виталий неохотно. – Вот уже неделю жду ответа от родного дяди.

Алла улыбнулась и уселась на стол, болтая толстыми ножками.

– Думаешь, ответит? Вряд ли, мой дорогой. Кому охота принимать у себя бедного родственника?

– Почему это бедного? – удивился парень.

– Да потому что ты планируешь явиться к нему на неопределенное время, не имея работы, – констатировала она. – Когда встанешь на ноги – никто не знает. Согласись, в Питере нашей братии воз и маленькая тележка. И все мечтают пи-

сать о бомонде, чтобы прорваться в светское общество. Теперь подумай, кому это удалось и есть ли у тебя шансы.

– Да не хочу я писать о бомонде, – отмахнулся Виталий, ударив по столу. – Но здесь, в Лесогорске, вообще писать не о чем. Достала проклятая бытовуха.

– В Северной столице будешь заниматься тем же, – безапелляционно заявила коллега и спрыгнула со стола, потянув за собой несколько листков бумаги. – Впрочем, бог с тобой. Я побежала. Меня, в отличие от тебя, все устраивает. Работа непыльная, неустомительная. Два репортажа в неделю – не бей лежачего. Есть время и для личной жизни. – Девушка покраснела.

– С чем тебя и поздравляю, – буркнул он и вздрогнул, услышав стук. – Кто там еще?

Дверь медленно отворилась, и в кабинет вошел главный редактор, Борис Юрьевич Симаков – высокий седоватый мужчина лет пятидесяти. Молодые журналисты, не стовариваясь, застыли по стойке «смирно».

– Вольно, – скомандовал редактор, усмехнувшись в седые густые, как у командарма Буденного, усы. – Виталя, хорошо, что я тебя застал. Телефон почему не берешь? Лилю я отправил по делам, хотел сам тебя вызвать, а ты недоступен.

Лилей звали его секретаршу. Она была хорошенькая, белокурая, чем-то напоминала куклу Барби, впрочем, была довольно неглупая. По редакции ходили слухи об их романтических отношениях и о том, что Симаков никогда не разве-

дется со своей благоверной – толстой, круглолицей Анной Николаевной, державшей его в ежовых рукавицах, которую в редакции за глаза называли Солохой. Эта дама владела двумя маникюрными салонами, что было довольно неплохо для маленького городка. Болтали, что она спонсировала детище мужа, когда местные власти отказывали в финансировании, и это связывало супругов больше, чем любовь и страсть.

– У меня к тебе дело. – Борис Юрьевич степенно присел на стул. – На Ленинградской опять нет воды. Надо разобраться, когда закончится соседняя стройка. Помнишь, они давали обещание не отключать воду, – он довольно потер жилистые руки. – Поговори со строителями и дай хозяину как следует. Не мне тебя учить – ты это прекрасно делаешь.

Виталий улыбнулся и, порывшись в ворохе бумаг на столе, выудил одну и торжественно протянул ее шефу:

– Это заявление об уходе, Борис Юрьевич. Я у вас больше не работаю.

Симаков даже не шевельнулся, чтобы взять заявление. На его смуглом остроносом лице застыло удивление.

– Что ты сказал?

– Только то, что я больше не хочу здесь работать, – повторил Виталий. – Я устал от канализационных стоков, сбежавших деревенских девушек и бытовых ссор. В этом городишке для меня никогда не найдется ничего интересного. Жизнь здесь давно застыла. Кому-то это нравится, но я не из их числа.

Борис Юрьевич нервно потер переносицу.

– Значит, ты уходишь, потому что тебе скучно?

Виталий кивнул:

– Вы меня правильно поняли.

Он по-прежнему держал в руках заявление, но шеф делал вид, что не замечает протянутого листка.

– А если бы я нашел для тебя интересное дело, ты бы остался?

Журналист расхохотался, показав ровные белые зубы. Аллочка, забившаяся в уголок и сидевшая как мышка, тоже усмехнулась.

– Помилуйте, Борис Юрьевич, какое дело? Неужели в наш город приедет звезда эстрады? Кстати, а почему они сюда не приезжают?

– Этого я не знаю, – буркнул Симаков. – И, честно говоря, о звездах эстрады нам известно больше, чем хотелось бы. Я собирался предложить тебе работу другого рода. Если интересно, пойдем ко мне в кабинет.

– Говорите здесь, я уже ухожу. – Аллочка выпорхнула так же неслышно, как и появилась. Борис Юрьевич наклонился вперед:

– Не буду ходить вокруг да около, Виталий. Скажи, ты бы взялся за статью о человеке, расстрелявшем саму Татьяну Маркову, знаменитую Таньку-пулеметчицу? Слышал о ней?

– А кто не слышал? – удивился Рубанов. – Она – одна из трех женщин, казненных в СССР. В то время женщин не

расстреливали, и это само по себе стало громким делом.

– Верно, – слегка кивнул Борис Юрьевич, и седая прядь упала на смуглый лоб. – Недавно я узнал, что человек, пу- стивший ей пулю в затылок, жив и, что интересно, находит- ся недалеко от нас. По трассе в Архангельск есть небольшая деревушка. Василий Петрович Пахомов, так его зовут, полу- чив в наследство от родителей домик в тех краях, перебрал- ся туда на постоянное место жительства еще в девяностых.

– Старички любят жить в деревенской глуши, – заметил Виталий, по привычке запустив пятерню в густые черные во- лысы. Симаков покачал головой, прищурив зеленые глаза:

– Ты неправ. Во-первых, он не старик. В семьдесят вось- мом ему было всего двадцать два. Чемпион области по стрельбе, поэтому из армии его направили в тюрьму, где ему поручили ответственную работу. Правда, он недолго на ней оставался. Разыгралась астма, получил инвалидность, потру- дился на заводе охранником, а потом махнул с женой в на- ши края, в деревню Березки. Сын с семьей в Питере, ино- гда приезжает проведать. Кажется, он неплохо упакован, и старику, как ты его назвал, не приходится бедствовать. Что еще? – Он щелкнул длинными пальцами с коротко стрижен- ными ногтями. – Совсем забыл. Жена у него вот уже третий год лежащая. После второго инсульта не двигается и не раз- говаривает. Он нянчится с ней, как с ребенком, никуда не выходит и, по моим сведениям, будет рад гостям. В общем, как ты понимаешь, мы должны взять у него интервью, и я

поручаю это тебе, – торжественно закончил редактор. – Скажешь, неинтересное дело?

Виталий моргнул и улыбнулся:

– Вообще-то интересное. Вы уверены, что он захочет вспоминать «преданья старины глубокой»?

– Захочет, – заверил его Симаков. – Впрочем, что тебе мешает поехать и проверить? Наш городишко тебе осточертел – это видно по всему. Ну, давай, иди домой да собирайся в дорогу.

Молодой журналист сверкнул черными глазами:

– Если мне удастся его раскрутить, интервью получится интересное.

– И продажи газеты вырастут, – поддакнул начальник и вздохнул. – Ой, Виталя, Виталя, если бы ты знал, какая это головная боль! Если бы не моя Анечка, «Вести» приказали бы долго жить. Мэр давно не хочет выделять деньги на убыточный, как он выразился, проект. Конечно, он не помнит то время, когда эту газету выписывали все жители нашего городка. И, конечно, он не понимает, что сейчас для многих подписка – дорогое удовольствие. Спасибо хоть покупают – это позволяет держаться на плаву. – Он подошел к Виталию и сжал его широкое плечо. – Эх, мальчик, какую я рекламу забацию! Снова у Аньки клянчить придется – ну да ничего. Весь тираж за день раскупят – увидишь.

– Так я пойду? – поинтересовался Виталий, поднимаясь. – Сами сказали – собираться надо.

– Иди, иди. – Симаков его уже не замечал. Если главный редактор начинал о чем-то мечтать, он забывал обо всем на свете. Рубанов понимал – сейчас Борис Юрьевич мысленно купается в лучах славы, и от этого его может оторвать только звонок жены.

Глава 4

Смоленская область, деревня Малая Волховка

Очень скоро Евдокия убедилась, что все ее предчувствия и опасения не напрасны. С рождением нежеланной дочери Марк отдалился от семьи, постелил себе в сенях, рано уходил и поздно возвращался, почти не общаясь с женой, безуспешно пытавшейся лаской и терпением пробудить в нем отцовские чувства. Однако их не было. А через полгода муж просто не вернулся с колхозной работы. Большие Евдокия никогда его не видела. Какое-то шестое чувство подсказывало, что ее муж никогда не возвратится в родной дом, и она, постаравшись отогнать от себя все страхи (а им было откуда взяться, шутка ли – шестеро детей оставались на ней, младшая – совсем кроха), принялась за самую тяжелую работу в колхозе. Трое старших сыновей помогли ей, как могли. Наверное, во многом благодаря им она выходила болезненную девочку, которая встала на ножки только в два года и долгое время ходила, качаясь, как былинка от ветра. Мать старалась припрятать для нее все самое вкусное, спала с ней холодными зимними ночами, согревая своим тощим телом, и Танечка, как называла ее Евдокия,

слабенькая, маленькая, но очень упорная, делала успехи. Но в семь лет мать не пустила ее в школу.

– Зимой идти трудно по сугробам, – пояснила она Мариш. – Хворать будет. Боюсь я за нее.

Татьяна отправилась учиться только в восемь. Молодая белокурая учительница Анна Ивановна с удивлением посмотрела на худую малышку.

– Годков-то ей сколько? – поинтересовалась она у матери. – Не рановато в школу?

– Девятый пошел... – отозвалась та.

– Девятый? – Анна Ивановна удивленно вскинула тонкие брови. – А кажется, не больше пяти. Я думала, мамаша, вы ее раньше срока привели.

Евдокия покачала головой:

– Нет. И так год пропустили.

– Ну хорошо. – Учительница взяла маленькую ладошку, сразу растворившуюся в ее широкой руке. – Пойдем. Как тебя зовут?

Таня молчала. Ее большие серые глаза смотрели в пол.

– Татьяна она, – подсказала мать.

– Танечка. – Анна Ивановна будто знала, как зовут девочку в родном доме. – Пойдем со мной, Танечка.

Ребенок доверчиво зашагал рядом, стараясь не отстать от учительницы. Она привела девочку в небольшую классную комнату с десятью партами и усадила за первую. Вскоре стали собираться другие первоклассники. Все они бы-

ли знакомы девочке, и наблюдательный глаз Тани отмечал каждого: вот это Петька, сын хромого дяди Егора, это Даша, дочь рыжеволосой веснучатой тетки Павлины... А это Сашка, их неугомонный сосед, маленький ростом, чуть выше ее, но страшный драчун и непоседа. Анна Ивановна почему-то попросила его сесть рядом с Таней. Он не возражал. Когда прозвенел звонок, отрывисто, будто утренние крики петуха, Анна Ивановна проверила, как лежат на партах тетради и ручки, и, улыбнувшись, сказала:

– Ну что, дорогие мои, давайте познакомимся? Сейчас каждый по очереди встанет и назовет свои имя и фамилию. Начнем с меня. Я буду учить вас три года, и зовут меня Анна Ивановна Злотарева.

– Анна Ивановна Злотарева, – хором повторили дети, хотя молодая женщина об этом их не просила.

Молодая женщина рассмеялась так радостно, что на лицах учеников появились улыбки.

– Теперь вы.

Дети вставали и гордо, словно им поручили очень важное дело, выкрикивали имя и фамилию порой очень громко, а учительница продолжала улыбаться и хвалить:

– Ну какие молодцы!

Сосед Татьяны, Сашка, даже покраснел, старательно выговаривая фамилию, а к полному имени добавил отчество:

– Александр Ефимович.

– Молодец, Александр Ефимович. – Учительница пригласила его белесые вихры и посмотрела на Таню. Малышка продолжала сидеть, глядя на нее огромными голубыми глазами.

– Танечка, мы тебя ждем.

Первоклассница не шелохнулась. Анна Ивановна, видя, как побледнело худенькое личико, а в серых глазах застыли слезы, поняла, что ей трудно выговаривать такие слова, и подбодрила:

– Давай, Танечка.

Девочка медленно поднялась, обвела одноклассников серьезным взглядом, но ничего не сказала. Тонкие губы чуть подергивались. Учительница положила руку на ее плечико:

– Ну же, Танечка, давай.

Но девочка продолжала молчать, и тогда на помощь ей пришел вихрастый сосед:

– Пусть молчит, мы и так знаем, – фыркнул он. – Это Танька Маркова, дочь дяди Марка и тетки Евдокии. А еще у них есть поросенок.

– Значит, Татьяна Маркова, – улыбаясь, повторила Анна Ивановна. – Что ж, будем знакомы.

Таня кивнула и тихо села на место. Она не поправила шустрого Сашку, сегодня ее ни в какую не слушался язык, и девочка за весь день в школе не вымолвила ни слова. Анна Ивановна, не зная, что настоящая фамилия Татьяны – Панфилова, так и записала в классном журнале: Татьяна

на Марковна Маркова – и потом так же подписала первую тетрадь Тани. Странно, но девочка не возражала. Может быть, где-то в глубине души у нее засела обида на отца, которого она никогда не видела и, разумеется, не помнила. Когда закончился первый день в школе, за Таней зашел ее старший брат Игнат.

– Как сестра? – деловито осведомился он у учительницы, по-взрослому протянув ей красную, в цыпках, руку. Анна Ивановна, смеясь, пожала ее:

– Будем думать, что у нее все получится.

– Лады, – произнес мальчик и стиснул ладошку Тани. – Домой пошли, мать волнуется.

Девочка, как утка, засеменила следом.

«Не потянет, – подумала с горечью учительница, глядя им вслед. – Маленькая, хрупкая, болезненная... Не потянет... Хорошо, если четыре года проучится».

Однако ее прогнозам не суждено было сбыться. Хрупкая на вид девочка оказалась упорной и амбициозной. Точные науки давались ей нелегко, однако она, поставив цель хорошо учиться, грызла гранит науки по вечерам. А такие предметы, как литература и история, казалось, запоминаются сами собой. Стоило лишь послушать объяснения учителя и пробежать глазами учебник – и Татьяна блистала на следующем уроке. Когда же она окончила восьмой класс, ей рекомендовали продолжить учебу дальше.

– В Москву поеду, – заявила она изумленной матери. – На

врача учиться или фершала. Они такие все чистенькие, в белых халатах. В воде и земле не возятся.

Евдокия, высушенная временем и трудом, казавшаяся гораздо старше своих лет, развела руками:

– Деточка, почему в Москву-то? Чай, в соседнем городке тоже десятилетка имеется. Окончишь ее – и в училище. Потом в Смоленск, ежели захочешь.

– В Смоленск не захочу. В институт хочу столичный, – заявила дочка. – У меня есть шанс, все учителя говорили.

Мать схватилась за голову:

– Ой, лишенько мне! Чтобы в Москве жить, деньги нужны.

– А я у тетки Акулины поселюсь, – заявила Таня и подмигнула. – Чай, она сестра твоя родная.

– Не станет Акулина кормить лишний рот. – Евдокия поправила на голове сбившийся белый, с красными цветами платок. – Когда отец твой убеж, уж я ее и просила помочь... Думаешь, помогла? Как не так! Копейку пожалела!

– А мне ее благоденствия не нужны, – заявила девушка, приглаживая волосы. – Еще сама ей копеечку подброшу. Буду учиться и подрабатывать.

Мать закрыла лицо, протяжно застонала:

– Ой-ой-ой! Пропадешь там!

Татьяна ее не слушала. Москва давно снилась ей по ночам. Только в таком городе можно было выбраться из нищеты, получить образование и чего-то добиться в жизни.

Жить, как мать, и ковыряться в колхозной земле Таня не хотела. Порой она даже оправдывала отца, сбежавшего от огромной семьи. Может быть, он нашел то, что искал, то есть лучшую жизнь? Ради этого не пожалел семью, маленькую дочь. И, если не сгинул на чужбине, вполне возможно, у него все получилось. И у нее все получится. Через несколько дней поезд уже вез ее в столицу. Прощание с матерью едва выжало скупую слезинку. Татьяна даже не думала, когда им придется увидеться. Да, если сложится, она придет на каникулы, а если нет – пусть Евдокия не обижается. Каникулы можно провести и в Москве. Там столько развлечений, которых она в жизни своей не видела! А что делать в деревне? Чесать поросенку брюхо? Доить корову? Слушать крики петуха? Все это давно осточертело. А в Москве... Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящего на соседней полке здорового мужика, дышавшего перегаром, Таня достала из старой сумки пирожок, заботливо завернутый матерью в газету, и надкусила его. Да, пирожки у матери знатные, что с картошкой, что с капустой, в Москве такие вряд ли поешь. Но если заработать денег, можно будет сходить в ресторан и попробовать (при мысли об этом рот наполнился горячей слюной) котлеты. Самые настоящие толстые котлеты, с румяной корочкой, шипящие, шкворчащие, брызгающие жиром! И хлеб... Наверное, там совсем другой хлеб, пахнущий умопомрачительно! От таких мыслей кружилась голова. Таня не сомневалась, что Москва даст ей путевку в

жизнь. Даст шанс проявить себя, и уж она – будьте уверены – этот шанс не упустит.

Глава 5

Лесогорск, наши дни

Дом, где Виталий снимал квартиру, – обычная пятиэтажная серая хрущевка – находился в десяти минутах ходьбы от редакции. Впрочем, в этом городишке все было близко, но удовольствия от этого Рубанов не испытывал. То ли дело Питер или Москва! Вот и мать его не хочет сюда переезжать из Архангельска, говорит, что там какая-никакая, а цивилизация. А может, чувствует, что он тут долго не задержится. Виталий сморщился, взглянув на синевший на горизонте лес. Когда-то он, выпускник Санкт-Петербургского университета, оказавшись в этих краях, пришел в восхищение. Окрестная природа казалась ему идеальной. Здесь было все, что он любил: большие реки с кристально чистой водой, окаймленные дремучими лесами, голубые озера, заросшие густым камышом, песчаные желтые утесы, пропасть грибов и ягод. В редкие приезды матери они ходили в лес, набивали пакеты и банки земляникой, голубикой, черникой, дикой малиной, и мама варила «пятиминутку» – варенье быстрого приготовления, благодаря которому он давно забыл о шоколадных конфетах. Кроме матери его навещали однокурсники из Питера,

и они на неделю ходили в поход на байдарках. Друзья поражались величественным северным соснам и удивлялись, что Архангельская область – север европейской части России, заросшая густыми таежными лесами и обдуваемая холодными ветрами арктических пустынь, необыкновенно красива. Она поражала разнообразием и суровостью. Здесь было все: и тундра, и равнины, и горы, пусть и невысокие. Вместе с товарищами они ходили в лес, забирались в густой ельник и поражались обилию ягод. Чего здесь только не было! На кудрявом мху, покрывавшем подножия сосен, они находили землянику, чернику, бруснику... Он с восхищением рассказывал, что здесь есть орхидеи – одиннадцать видов. Поистине удивительный край! Виталий подумал, что восхищение не проходило год, два, но на третий маленький зеленый городок начал его тяготить. Он был хорош для старичков, желавших прожить остаток жизни в покое, но не для молодых, предприимчивых и амбициозных. С каждым днем Рубанов впадал в уныние. Березы и сосны не вызывали восхищения. Он уже не думал, что дышит чистым воздухом без примесей бензина, и его охватывало отчаяние. Скорее, скорее отсюда, из провинции, из жалкой газетенки! Несомненно, он напишет статью о человеке, выстрелившем в затылок карательнице, но на этом поставит точку и распрощается с Лесогорском. Подойдя к подъезду, Рубанов скривился и набрал код на домофоне, усмехнувшись про себя. Дом был старый, неказистый, потемневший от времени, а его жильцы – в ос-

новном пожилые семейные пары с небольшим достатком. Да, некоторые даже имели машины – старые «Москвичи», «копейки» – в общем, гордость советского автопрома, которые сиротливо пылились в крошечном дворике. Покуситься на нехитрый скарб таких жильцов мог только ненормальный, и Виталию казалось забавным, что жильцы собирали деньги на домофон. Он знал и то, что проникнуть в их квартиры даже с такой штукой не составляло труда – стоило только сказать кодовое слово: принесли платежки. Бабули с удовольствием выпускали незнакомцев в подъезд, а потом удивлялись остро пахнувшему лужам на полу. На лестничных клетках всегда стояли коробки с бездомными кошками, которых подкармливали сердобольные женщины. Виталий юркнул в подъезд и быстро поднялся по лестнице на второй этаж. Толстый рыжий кот бросился было к нему, но молодой журналист не проявил желания его погладить, и рыжий обиженно отошел, поняв, что свой кусок домашней котлеты он не получит. Рубанов открыл дверь и вошел в квартиру, всегда казавшуюся ему темной. Она и была такой: сквозь толстые ветви деревьев, закрывавших окна, почти не пробивались солнечные лучи. Иногда это его даже радовало. Он не любил утруждать себя уборкой. На солнце пыль видна лучше, чем в полумраке. Бросив папку с бумагами на стол, он, скинув ботинки, опустился на диван и по привычке стал искать пульт, чтобы включить телевизор. Как всегда, эфир был забит новостями. Немного послушав о том, что делается в мире, Виталий про-

шел на кухню. По дороге домой он забыл, что у него, как у закоренелого холостяка, в холодильнике «повесилась мышь», и сейчас с грустью взирал на сиротливый кусочек вареной колбасы, немного обветренный, но, впрочем, съедобный, и на заветренный сыр. Не было ни хлеба, ни яиц, зато Виталий отыскал невесть откуда взявшуюся пачку с пастой – так теперь называли обычные макароны – и, поставив на плиту кастрюлю с водой, принялся ждать, пока она закипит. Глянув в окно на машины-сироты, он почему-то вспомнил о матери. У отчима тоже была «копейка», на ней он и укатил к своей коллеге по работе, более молодой и красивой, чем мать. Виталику тогда шел девятый год, и на отчима обиды он не держал. Что ни говори, тот его растил семь лет, после того как родной отец пьяный попал под машину. Мать если и переживала его уход, то ничем это не показывала, продолжая делать все, чтобы ее Виталик ни в чем не нуждался и получил образование. Нужно ей обязательно позвонить и предупредить, что завтра, после интервью, он к ней заедет. Вытащив из шкафа спортивную сумку, он положил туда джинсы и пару футболок на случай, если придется заночевать в деревне (еще неизвестно, как до нее добираться и какой транспорт туда ходит), сел к ноутбуку и набрал в поисковике «деревня Березки». Снимки этого населенного пункта не вызывали желания лишний раз показаться в тех краях. Избы большей частью почернели от времени, покосились, новых домов Виталий не увидел. Он подумал, что это одна из тех дере-

вень, которые потом становятся призраками. Со всех сторон на Березки наступал лес вместе с топкими болотами, грозившими поглотить огороды. Впрочем, были и хорошие новости. Автобусы мимо Березок ходили, даже два – один до Выборга, другой до Питера. Виталий выбрал себе питерский, он отходил от их вокзала в девять утра. С билетами можно было не заморачиваться – до Березок вряд ли займут все места. Заварив чай – к счастью, его немного осталось в жестяной банке, – Рубанов набрал в поисковике «Татьяна Маркова» и долго читал об этой женщине, считавшей, что убивать – такая же работа, как и другие.

Глава 6

Москва, 1941-й

Два стройных высоких парня, уже успевших загореть, несмотря на середину июня и проливные дожди, огорчавшие почти каждый день, стояли возле кинотеатра и рассматривали выходявших после фильма «Чапаев».

– Гляди, какие крали, – сказал черноволосый, похожий на цыгана, поправив непослушную прядь и сверкнув черными жгучими глазами.

– Где, Олег? – тотчас отозвался его друг, рыжий, с лицом, усыпанным веснушками, как перепелиное яйцо.

– Да вот, – Олег кивнул в сторону двух хорошеньких девушек, которые, взявшись под руки, осторожно спускались с лестницы и что-то громко обсуждали, наверное, содержание фильма. Когда они поравнялись с друзьями, черноволосый перегородил им дорогу:

– Девушки, давайте познакомимся.

– Мы с незнакомцами не знакомимся на улице, – буркнула круглолицая, с большими голубыми глазами. – Так что, молодые люди, не загораживайте проход.

Олег ринулся на помощь приятелю:

– Не знакомы? Но это так легко сделать. Меня, к примеру, зовут Олег. А вас?

Ее белокурая подруга резко отодвинула его в сторону:

– Сказано вам – пропустите.

Рыжий скорчил гримасу, но дорогу уступил:

– Скажите, какие мы...

– Да уж какие есть. – Круглолицая показала язык, взяла подругу за локоть и потащила к скверу. Парни не решились последовать за ними.

– Гиблое дело, – решил Олег. – Что ж, подождем других, полюбезнее.

Рыжий вздохнул. Девушки отошли на безопасное расстояние от приставал, и белокурая обратилась к своей подруге:

– Может быть, ты зря так с ними, Таня? Мальчики вроде приличные.

– Некогда мне о парнях думать, Люда, – отрезала Татьяна и поправила волосы, тщательно уложенные ровными волнами при помощи горячих щипцов. – Знаешь, честно говоря, после этого фильма я на наших парней и смотреть не могу. То ли дело раньше! Петька! Вот это парень! Мне бы кого-нибудь из чапаевской дивизии!

– Знаю, – рассмеялась Люда. – Только слепой не догадался бы, что ты и сама мечтаешь быть похожей на героиню этого фильма. Недаром фото артистки на стенку повесила. И где ты его отыскала, Анка-пулеметчица?

– Где отыскала – там уж нет, – парировала Таня. – До-

пустим, на работе дали мне старый журнал с ее фотографией. Ох, если бы еще и пулемет!

– А пулемет-то зачем? – удивилась подруга. – Сейчас мирное время.

– Скучное время, – отрезала Татьяна. – То ли дело Гражданская война! Такие, как Анка, были на вес золота. Ну, согласись, лихо она строчила из пулемета?

– Лихо, – кивнула Люда. – Слушай, давай мороженого поедим и газировки выпьем. Солнышко сегодня здорово припекает.

– Давай, – согласилась девушка. Они подошли к лотку, за которым толстая тетка в белом переднике торговала газировкой и мороженым. Татьяна вытащила из кармана мелочь, пересчитала и протянула женщине:

– Два клубничных и два пломбира.

Тетка подставила стаканы под пенистую струю и, наполнив, протянула девушкам. Люда сделала глоток и поморщилась:

– Пены много. Жажду совсем не утолишь. Наверное, на доньшке осталось.

– Хорошо, что хоть этого хватило. – Таня отхлебнула из своего стакана. – Все равно вкусно. Знаешь, когда я в деревне жила, то ни о какой газировке и слыхом не слыхивала. Разве только из учебников по литературе. Да и об этом, – она указала на мороженое, – в деревне даже не рассказывали. Сядешь, бывало, за стол, а кроме картошки и серого

хлеба больше ничего. Я в детстве, знаешь, какая маленькая была? Ну чисто былинка. И ела как птичка. Зато братья мои все сметали. Мамочка бедная день и ночь думала, чем бы семью накормить. Папаша родный, чтоб ему пусто было, сбежал, как я родилась. Вот и пришлось маме нас на себе тянуть. Сволочь! – вдруг выругалась она, и Люда вздрогнула. Она редко слышала от подружки бранные слова.

– Так его ненавидишь? – спросила она. – А даже и не видела. Может быть, встретились бы сейчас – и все по-другому было.

Таня сверкнула голубыми глазами:

– Встретились? С ним? Ты шутишь? И глядеть на него не хочу. Я ведь даже фамилию его не взяла при получении паспорта. Знаешь, в первом классе, когда меня попросили назвать фамилию, я не смогла этого сделать, и мой сосед Сашка крикнул: – «Маркова!» С тех пор я Марковой и осталась. В паспорте и комсомольском эта фамилия. Теперь даже рада этому. К папаше своему Парфенову я не имею никакого отношения.

– Да, тяжело вам пришлось, – согласилась Люда, смакуя пломбир.

– Тяжело, – согласилась подруга. – Знаешь, как я завидовала одноклассникам, которым родители могли купить новые платья, туфли? У меня ничего этого никогда не было. Хочешь знать, откуда мы брали вещи?

Людмила ничего не ответила. Она видела, как пережива-

ет Татьяна: эти воспоминания явно не были для нее приятными.

– А вещи мне дарили односельчане, – бросила девушка. – Здорово, правда? Дарили, естественно, не новые, а дырявые обноски, но мать радовалась и этому.

Подруга решила ненавязчиво сменить тему:

– Мамка-то как? Письма пишет?

– Какие письма? Неграмотная она, – пояснила Таня. – В нашей деревне грамотными были только учителя. Анна Ивановна и сейчас мне помогает. Я ей письма пишу, а она мамке читает, потом от нее весточку мне шлет. Вчера от брата письмецо получила, от Игната. – Девушка достала из сумочки скомканную бумажку. – Он в военном училище учится. Девушку хорошую встретил, мне фотографию пришлет, – она закатила глаза. – Я за него так рада, ты и не представляешь. Столько на него свалилось, когда папаша нас бросил! – Глаза Тани увлажнила слезинка. Люда с жалостью посмотрела на подругу:

– Но ведь все уладилось, правда?

– Теперь да. – Таня пригладила и без того идеальную прическу и улыбнулась. – Завтра к мамке поеду. Пишет – соскучилась шибко. Гордится, что дочь на фельдшера учится.

– А я хотела завтра пригласить тебя за город, – с огорчением проговорила Люда. – Погода наконец наладилась, можно искупаться, позагорать. Рванули бы в Замоскворечье, а? Татьяна покачала головой:

– Не получится, Людок. Завтра к своим собираюсь. Мамку охота повидать. Но я ненадолго, – она вздохнула. – Тоска там смертная, такая тоска, что на душу давит. Большие недели не выдержу. Приеду – и тогда погуляем на природе.

Люда обняла ее:

– Отлично. Буду ждать. Ну, пойдём, провожу тебя до автобуса. Тебе собираться нужно.

Таня взяла ее под руку:

– Пойдем.

Они миновали лоток с мороженым, с возжелением посмотрели на тех, кто получал заветную порцию из рук продавщицы, и посетовали, что их финансы оставляют желать лучшего.

– Только на автобус и осталось, – с огорчением сказала Маркова. – Хорошо, билет на поезд уже взяла.

– Я бы тоже не отказалась от второй порции, – заметила Люда и дернулась. – Таня, твой. – Она порывисто обхватила шею подружки и поцеловала в щеку. – Возвращайся скорее.

– Скоро-скоро, – пообещала Таня. Она вскочила в душный, переполненный салон и села у окна. Девушка любила места у окна, потому что можно было разглядывать город, который она уже полюбила и считала своим. Весело шагающие жители, сероватая, но величественная Москва-река, берега которой одели в гранит, машины, везущие куда-то счастливых обитателей, – все это вызывало у нее непод-

дельный интерес. Казалось, город был живым организмом, с артериями, наполненными пульсирующей кровью, с сердцем, ритмично бьющимся в унисон с какой-то одному ему ведомой музыкой. От таких картин душа Марковой наполнялась особым чувством, похожим на гордость и радость. Часто, отдаваясь созерцанию, она забывала выйти на своей остановке, и потом приходилось добираться в два раза дольше, однако это ее не огорчало. Москва стояла того, чтобы ею любоваться, однако сегодня Таня не зазевалась. Раскрытый, но еще не собранный старый чемодан, который девушка в шутку называла чемоданищем-страшилищем, ждал ее на кровати. Когда водитель объявил остановку, Маркова быстро сбегала по ступеням на тротуар и зашагала к общежитию медицинского техникума. Солнечные лучи ласкали ее лицо, теплый ветерок шевелил волосы. Подойдя к общежитию, Таня потянула на себя тяжелую дверь и, войдя в полупустой вестибюль, наполненный запахами стираного белья, жареной картошки, свежесвымытых полов, улыбнулась вахтерше:

– Тетя Клава, вот я и прибыла.

Пожилая женщина с жидкими седыми волосами, туго стянутыми в пучок на затылке, ответила ей такой же доброй улыбкой:

– Я думала, ты уже уехала. Чай, к матери собиралась.

– Завтра, все завтра. – Таня махнула рукой. – Утром поезд. Разбудите часиков в семь?

– Разбужу, – пообещала вахтерша и подперла ладонью подбородок. – Мать небось давно не видала? Соскучилась?

– Соскучилась, – призналась девушка. – И братья обещали подъехать. Представляете, Игнат в военное училище поступил. В нашей семье никогда военных не было. Здорово, правда?

– Здорово, – согласилась старушка, ласково глядя на Таню добрыми карими глазами, в уголках которых сверкали слезинки. – Ну беги, дорогая. Обязательно разбужу.

В порыве девушка обняла пожилую женщину и побежала наверх, стуча каблучками. Добежав до помещения, она повернула ключ в замке, предвкушая тишину. Соседка Рая уехала в деревню к родным еще вчера, и Таня, войдя в комнату, совсем небольшую, прямоугольную, с двумя одинаковыми, словно сделанными под копирку кроватями, заправленными синими одеялами, с лакированными желтыми тумбочками, на которых лежали одинаковые расчески, какие красуются в каждом магазине, и белевым шкафом, где девушки хранили свой нехитрый гардероб, присела на кровать всего лишь на минутку, переведя дух, а потом подошла к шкафу и достала старый-престарый, выдавший виды чемодан. Девушка провела рукой по потрепанной поверхности и, бросив на пол, кинула в него пару платьев, кофту, юбку и туфли. Если в ее родном краю дожди, мать даст ей резиновые сапоги. Вспомнив о дорогой ее сердцу женщине, Таня улыбнулась и откинула непослушную русую прядь. «Ско-

ро, мамочка, увидимся, скоро», – прошептала она и, закрыв чемоданище и поставив его на место, легла, не раздеваясь, с книгой в руках. Через минуту она уже с головой погрузилась в баталии Гражданской войны и, представляя себя доблестной пулеметчицей, строчила по белогвардейцам. Девушка читала до полуночи, пока ее не сморил крепкий здоровый сон.

Глава 7

Лесогорск, наши дни

Утром автобус вез журналиста в Березки, и, вопреки унылым мыслям, он любовался пейзажем за окном. Дорога серой змеей извивалась среди зеленого лесного коридора. Высокие сосны вершинами упирались в небо, не давая солнцу проникнуть во влажную чашу, широкие озера с синей водой, заросшие осокой и камышом, вновь будили желание прокатиться на лодке, серые огромные валуны причудливой формы – такие он видел только в Карелии – служили гранитной набережной для быстрых речушек. Природа дарила успокоение, вызывала восхищение, и Виталий, забыв обо всем на свете, наслаждался ею, пока автобус не притормозил у указателя «Березки». Подхватив спортивную сумку, молодой человек зашагал по протоптанной тропинке к ближайшей избе, ничем не отличавшейся от своих почерневших соседей. В огороде копалась какая-то женщина, возраст которой с ходу определить было довольно трудно.

– Извините, – Рубанов оперся на плетень, тут же издавший жалобный скрип, – не подскажете, где проживает Василий Петрович Пахомов?

Женщина оторвалась от своего занятия, поправила седую прядь волос, выбившуюся из-под черного платка, и приветливо ответила:

– Петрович-то? Да вон его домик, третий от моего налево. Сегодня бедняга и не выходил никуда. Видать, Фаина не отпускала.

– Парализованная жена? – уточнил Виталий. Женщина кивнула:

– Ну да, она. Ежели Фая не спит, он и в магазин боится выйти. Ухаживает за ней лучше любой сиделки. Только не любит, когда сельчане об этом говорят: мол, с Фаечкой они прожили душа в душу сорок лет, она его, бывало, тоже выхаживала. – Баба вытерла о фартук грязные руки. – Заболтала я вас совсем. Идите с богом!

– Спасибо. – Виталий направился к дому Пахомова, по дороге угодив ногой в глянцевую лужу, которую никак нельзя было обойти.

Поднявшись на обветшалые ступеньки крыльца, он постучал в дверь и тут же услышал приятный голос:

– Входите, не заперто.

Рубанов оказался в маленькой, с протертым красным ковриком, но довольно опрятной прихожей, Навстречу ему из комнаты вышел сутулый худощавый пожилой мужчина с белыми седыми волосами (мать почему-то считала такую седину красивой), с маленьким сморщенным красноватым лицом.

– С кем имею честь? – Он улыбнулся, показав на удивление здоровые зубы, и протянул сухую руку с мозолистой ладонью.

– Я журналист из Лесогорска, – пояснил Виталий, пожимая протянутую горячую ладонь. – Главный редактор газеты «Вести» направил меня к вам...

Старик замахал руками:

– Можете дальше не продолжать. Я догадался, кто вы и зачем здесь. Проходите...

Рубанов уже сделал шаг по направлению к комнате, из которой вышел хозяин, но тот указал на другую дверь:

– Нет-нет, сюда. Там спит жена. Вы, наверное, и о ней все знаете.

– Так получилось, – почему-то смущенно ответил журналист и прошел в маленькую комнатку с довольно скромной обстановкой: светло-коричневый старый шкаф, сделанный, наверное, годах в шестидесятых, если не раньше, такой же стол, прикрытый чистой клеенкой, и два стула с заштопанными цветастыми сиденьями такой расцветки, которая давно вышла из моды.

Пахомов жестом предложил гостю сесть и сам примостился рядом, колупнув ногтем прозрачную скатерть.

– Одно время я хотел, чтобы ни одна живая душа не узнала, кем я когда-то работал, – начал он и недовольно крякнул. – Я ведь туда пошел не по своей воле. Знаете, как было раньше... В армии отличник боевой и политической под-

готовки, чемпион по стрельбе... Вот меня и заприметили, так сказать, компетентные органы. Люди в больших погонах стучали меня по плечам и приговаривали: дескать, партия хочет поручить мне ответственное задание. Но меня кондратий схватил, когда я узнал, что это за задание. Честно говоря, всегда думал, что оно поручается немолодым и опытным. А я и в людей-то еще не стрелял. Когда сказал об этом полковнику, он расхохотался. «Да какие это люди, – говорит, – это не люди. Потому государство и лишает их жизни. Все они – матерые убийцы». Видать, по моему лицу понял, что не убедил, и иную тактику предпринял.

– Вот у тебя наверняка родные есть, представь, что бы с тобой было, если бы эта нечисть кого-нибудь из них на тот свет спровадила. Сам бы захотел с ними расправиться. Знаешь, сколько порой народу у тюрем толпится, просит убийцу им на самосуд отдать? – Он недовольно кашлянул. – Только мы этого не делаем, потому что у нас все по закону.

Василий Петрович заволновался и начал задыхаться, разрывая ворот старенькой заштопанной рубашки. Виталий вскочил со стула, услышав, как из груди Пахомова вырвались хриплые пугающие звуки.

– Астма у меня, – пояснил старик и дрожавшей, как тремоло, рукой указал на шкаф. – Там, на самой верхней полке, ингалятор...

Рубанов рванул дверцу на себя, и с десятков ингаляторов, в том числе и совсем новых, как солдатики, предстали перед

ним.

– Самый крайний слева, – просипел Василий Петрович. Виталий быстро снял его и сунул в трясущиеся руки. Тот открыл рот и брызнул спасительную жидкость. Минуту они сидели молча, пока хозяин приходил в себя. С впалых щек исчезла краснота, взгляд делался ясным.

– Астма проклятая замучила, – пояснил он. – По работе кидали меня на Север и в Сибирь. Часто простужался, не лечился – и вот результат. Когда выбираюсь в аптеку за лекарствами, стараюсь купить побольше ингаляторов, на сколько денег хватит. Сам понимаешь, с моей женой часто по аптекам не побегаешь. А «Скорую», если что, не дождешься.

Виталий представил, как живут люди в такой глубинке. Интересно, есть ли у них вообще медпункт? Из иных деревень к врачу возили за тридевять земель. Обо всем этом Рубанов хотел спросить у Пахомова, но не стал. Он видел, что хозяин начал уставать, и поспешил задать важные вопросы.

– Раз вы знаете о цели моего визита, расскажите, при каких обстоятельствах вы впервые увидели Маркову?

– А как она в тюрьме появилась, – признался Василий Петрович. – Надзиратели постоянно на нее пялились, и наша команда к ним присоединилась, не дожидаясь своего часа. Сильная была женщина, ни слезинки не проронила, о родных не вспомнила. – Он усмехнулся: – Впрочем, говорят, надеялась, что ее не расстреляют. Но ошиблась. У таких преступлений нет срока давности.

– Нет, – согласился Виталий. – Удалось ли вам поговорить с Татьяной?

– Да как же, – Пахомов покачал головой. – Впрочем, я не жалею. Следователь сказывал, она вину свою признавать не хотела. Мол, это была работа – и все тут. Кто-то должен был выполнять и ее. Думаю, со мной бы она долго спорила. Я же аналогичную работу выполнял.

– Я бы не согласился, – вставил Виталий, но Василий Петрович погрозил ему длинным худым пальцем, как нашкодившему школьнику.

– Да разницы особой нет. Для Таньки нет. Ну сам посуди, сказал бы я, что расстреливаю преступников, она бы возразила, что делала то же самое. Ее начальство считало, что партизаны – это преступники, поэтому они заслуживали смертной казни. Она расстреливала своих, так и я занимаюсь тем же. Нет, я рад, что мне не довелось общаться с ней с глазу на глаз.

– Как она вела себя перед казнью? – поинтересовался журналист. Пахомов дернул худым плечом:

– Раньше не говорили, что ведут на расстрел. Она подумала, что ее переводят в другую тюрьму. Когда все поняла, до выстрела оставались секунды. Я видел только ее затылок... Не помню, дрогнула ли эта женщина. – Он вдруг встал и снял с полки шкафа картонную маленькую коробку. – Это она выронила перед выстрелом.

Василий Петрович открыл коробку. Яркий луч солнца

упал на золотой медальон и заиграл на его поверхности. Виталий с изумлением взял его в руки.

– Это ее медальон?

– По-видимому, да, – кивнул Пахомов. – Она не расставалась с ним. – Он вдруг смутился. – Понимаете, я взял его без спроса, никто, кроме меня, не заметил, как она его выронила. Я не проинформировал об этом начальство – стало быть, нарушил инструкцию. Видите ли, я подумал: ее вещи уже никому не нужны. Семья Татьяны отказалась от нее и уехала в неизвестном направлении. Следовательно, медальон забрал бы кто-то из вышестоящих чинов. И я решил оставить его у себя. – Василий Петрович смахнул со лба предательски выступившие капли пота. – Вы меня осуждаете?

– Можно? – Рубанов бережно открыл его, будто не обратив внимания на слова старика. На тусклой фотографии молодой человек узнал Таньку, красивую, молодую, уверенную в себе, блондинистого мужчину лет тридцати с лишним и вихрастого подростка.

– Кто это с ней? – поинтересовался он.

– Начальник тюрьмы Ивашов, который свел счеты с жизнью перед опознанием своей поделницы, – процедил Пахомов. – А это – Сережка, сын полиция Потапова.

– Он жив? – спросил журналист, пытаясь получше разглядеть лицо мальчика с довольной улыбкой на тонких губах.

– А бес его знает, – Василий Петрович махнул рукой. – Во всяком случае, в поле зрения наших органов не попадал.

Мне кажется, успел смыться перед приходом Красной армии в Локотскую республику.

– Вы так о нем говорите... – протянул Рубанов, – будто он тоже военный преступник. На самом-то деле он был ребенком и не особо что понимал. Отец помогал немцам, и мальчишка думал, что это правильно.

Пахомов покачал головой. Морщины резче обозначились на лбу.

– Этот гаденыш помогал немцам, как и его папаша, – пояснил он и сплюнул с какой-то горечью. – По его вине ловили партизан и вешали одноклассников. Когда Таньку посадили в тюрьму, в газетах много писалось о ее «подвигах». Не обошли стороной и ее так называемых коллег. Тогда я и узнал о семье полицака Потапова. Его расстреляли, а сыночек исчез. Для него это было нетрудно. Добрался до партизан, прикинулся жертвой – и все. Разве мало душегубов так делали? К сожалению, не всегда было время и возможность узнать о человеке все. Поэтому вполне возможно, что живет сейчас Сережка и здравствует, если не помер своей смертью. Впрочем...

В соседней комнате послышались стоны, и Пахомов, вскочив со стула, будто лев, изготовился к прыжку.

– Жена проснулась, – сказал он немного виновато. – Если у вас остались вопросы, можете прийти позже. А если нет... Ну, тогда в добрый путь. У меня к вам будет одна-единственная просьба.

– Я вас слушаю, – доброжелательно улыбнулся Виталий. Несмотря на то что у него всегда существовали предубеждения против такого рода профессий, пожилой мужчина вызывал симпатию и совершенно зря, Рубанов догадывался об этом, иногда сравнивал себя с Танькой. Да разве их можно было сравнивать? Маркова – предательница, расстреливавшая соотечественников, считая преступниками тех, кто стремился освободить родную землю от захватчиков. За это, кстати, еще получала деньги.

– Пожалуйста, измените мою фамилию в своей статье, – жалобно попросил Василий Петрович. – Я знаю, так делают.

– Хорошо, – пообещал ему журналист, не ведая, согласится ли на это главный редактор. Но такое право имели герои газетных статей. Пахомов хотел спокойно дожить свой век, и только. Почему ему нужно было отказывать?

Женщина застонала громче, и Виталий, подхватив спортивную сумку, направился к выходу. Хозяин, бережно спрятав коробочку с медальоном в шкаф рядом с ингаляторами, вышел проводить его на крыльцо и, положив сухую руку с коричневыми старческими пятнами на плечо гостя, вдруг спросил:

– Вам знакомо слово «дежавю»? Ну, конечно, знакомо, что это я спрашиваю. Так вот, мне показалось... Я даже проверил... Ездил туда... Интересно получается...

Бедная парализованная жена застонала громко, протяжно, наверное, удивляясь, почему верный супруг не спешит

на ее зов, и Пахомов оборвал себя:

– Ладно, об этом потом. Оставьте свой телефон, я вам позвоню. Обязательно позвоню. Мне нужно рассказать вам что-то очень любопытное... Но потом, уже в следующий раз.

Рубанов вытащил визитку и сунул в холодные руки старика.

– Да-да, конечно, звоните, – торопливо произнес он и, кивнув, направился по протоптанной дорожке к остановке автобуса. Василий Петрович юркнул в дом.

Глава 8

Москва, 1941-й

Таня открыла глаза и удивилась, что на улице было довольно светло. Время явно перевалило за семь, и девушка потянулась к тумбочке, чтобы посмотреть на будильник с неработающим звонком. Да, она не ошиблась. Большая стрелка замерла на семи, а маленькая приближалась к половине. Черт бы побрал эту старуху, которая забыла ее разбудить. Таня вскочила с постели, протирая заспанные глаза, и, услышав голоса под окном, выглянула во двор. На ее удивление, половина общежития стояла возле старенького репродуктора, прикрепленного к столбу, и прислушивалась к вылетающим из него словам. Маркова обратила внимание на серьезные, сосредоточенные выражения лиц, как молодых, так и старых, и слезы, которые большинство из них утирали платками. Проведя расческой по волосам, девушка выскочила на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.